

Paul Valéry / Поль Валери (1871–1945)

ЮНАЯ ПАРКА

Ужели чудеса нагромоздило Небо

Для обиталища змеи?

Пьер Корнель

Кто плачет в этот час? Не ветер ли ночной
Гранит верховные алмазы надо мной?
Кто плачет так, что я сама вот-вот заплачу?

Ладонью заспанной блуждаю наудачу
По ледяной щеке и, уступив стыду,
От вещей слабости слезы заветной жду:
Оттает, чистая, права судьбы присвоив,
Засветится во тьме сердечных перебоев.
В нашептыванье волн мне слышится упрек:
Опять доверчивость чужую подстерег
Прибой и заточил, не выплеснув на сушу,
В соленом горле скал обманутую душу...
Что делаю я здесь, растрепана, робка?
Безлиственно дрожит холодная рука,
По островам груди в сомнении плутая...
Всесокрушением томится даль пустая...
Свечусь, привязана к тебе, сквозная гроздь!

Величественный свод, неотвратимый гость,
Достойный пронизать пространства временные
И в безднах порождать свеченья неземные, –

О сколько чистоты в сиянии твоём!
Сверхчеловеческим предвечным острием
Ты сердце смертное пронзил до слез, до дрожи...
Наедине с тобой стою, покинув ложе,
На изувеченной фантазмами скале,
Пытаюсь разгадать в незаживленной мгле,
Какой неправдой я разбужена ночью,
Свершенной надо мной или свершенной мною?
...А, может, прежних слов я одержима злом,
Когда прохлада рук переплелась узлом,
Сдавив мои виски (задута лампа шёлком),
И молнию души ловила я осколком
Небытия, о нет, была я госпожой
Неотягченных вен: мой взгляд, почти чужой,
Следил, раскинувшись над лабиринтом плоти,
Как, дебри тайные купая в позолоте,

Змеиный, жгучий я нащупала укус.

Какие обручи желанья, нежный груз
Сокровищ трубчатых, скользящих шлейфом томным,
И жажда светлого в нагроможденье темном!

Коварный!.. В отблесках язвящего огня
Пронзенной, познанной оставил ты меня...
В изменнице-душе нас возрождает жало:
Твой яд отныне – мой! Познав себя, бежала
По жилам молния – мной обладавший яд.
Для скрытных девственниц огни его таят
Угрозу ревности – к кому же я ревную?

О боги! ощутить в себе сестру иную,
Всегда горящую, всегда настороже!

Простосердечие, ненужное уже!
Прочь от меня ползи, любезный Змей, мне гадки
Заемной хитрости петлистые догадки
И преданность твоя, услужливый беглец
Наивных головокружительных колец!
Вокруг себя совьюсь – души моей достанет,
Она, раскинувшись над тенью, не устанет
Всю ночь вгрызаться в холм прельстительной груди,
Излившей молоко мечтаний, – отведи
Сверкающую длань, грозящую любовью
Бесплотности моей, какому пустословью
Желанный, жертвенный я предпочту удел?..
Развалин позумент, меня ты не задел
Теченьями, – уйми волнистые разгулы,
К истокам возврати беспутные посулы:
Глаза мои давно открыты, не ждала
Я меньшей ярости от скрученного зла –
В пустынной сухости запрятанного клада.
Границу моего мыслительного ада
Пытаюсь различить – о многом знаю я...
Пусть лицедействует надломленность моя,
Не так прозрачен дух, чтоб идольская злоба
Не раздвигала стен безрадостного гроба
Под взлеты факела в многопещерной мгле.
Когда б мы ведали, что может на земле
Из бесконечного родиться ожиданья!
Но даже тень сдалась агонии страданья.
Тревожный взор души прожорливо-глубок:
Витого чудища волнующий клубок
На жаркую ступень вползает, обессилен
Тягучей томностью заласканных извилин...
Что значишь ты в моей немеркнувшей ночи,
Рептилия? сплетя капризные бичи,
Мой небрежащий сон ты созерцала, вспомни!..

Но я изменчивей, о Тирс, я вероломней!
Со мною заодно опасности мои.
Пещерный выползок, прочь от меня струи
Бескостный свой хребет, спиральной страстью вздутый,
Другую танцами массивными опутай,
Пленяй нагую ночь ее закрытых вежд
Чередованием тождественных одежд,
Клубись, высиживай зародыши зевотной
Сердечной слабости, покуда сон животный
Сжимает девственниц лоснящимся кольцом...
Не выплакав тоски, с заплаканным лицом,
Бессонно-бледная, проснулась на постели,
Но склеп, укачанный в отсутствующем теле
Разбила, перейдя порог небытия.
Потом, облокотясь, во тьму смотрела я,
Мечту к державному примерив своеволью.

Всецело дорожа божественною болью,
Я ранку узкую на дрогнувшей руке
Бросалась целовать: я знала, вдалеке,
На гребне древнего догадливого тела
Горит огонь. – «Прощай!» – я закричать хотела

Себе, земной сестре, солгавшей в остальном...

Прозвученное Я, не созданное сном!
Живая жертвенность, очерченная блеском
Безмолвья... Бледный лоб, преследуемый плеском
Волос, украденных ветрами, и в морях
Продленный нитями седых, косматых прях, –
С непобедимым Днем мое венчанье празднуй!
Перед улыбчивой вершиною алмазной
Супругой равною я стираюсь ниц...

О драгоценный лес сомкнувшихся ресниц,
Слепой полночью переплетенных густо,
На ощупь, в темноте, молясь тысячеусто,
Покровом пористых окружных позолот
Вбирала вечность я и бархатистый плод –
Себя! – вручала в дар бессмертию вселенной,
Но в бледной мякоти, под кожурою пленной,
Кипящий солнцем сок не бредил горячо
Загробной горечью, – открытое плечо
Пожертвовала я просвеченным высотам:
На грудь, обильную под стать счастливым сотам,
Объятые вогнутым сошел уставший мир.
Ты поглотил меня, светящийся кумир! –
Бегу и быстрые распутываю тени,
Скольжу туникою по зонтикам растений,
Склоняю лезвия прохладных, ломких трав,
Бегу, величие цветущее поправ
Счастливой гордостью своей свободы новой.
Порой за полотно зацепит куст терновый
И тела свежего мятежную дугу
Перечасим шипам откроет на бегу –
Под куполом льняным оно блеснет, прославясь
Твоими красками, о бронзовая завязь!

Отчасти тяготясь могуществом пустым,
В душе послушная желаниям простым,
Чью волю гладкие присвоили колени,
Я сбрасывала гнет неловких сожалений,
И чувственная цель казалась мне светла:
К ней глина вязкая шагов моих плыла.
Беспечной стала я и на решенья быстрой.
Пылающий покров из снов природных выстрой
И до бескрайности, о Полдень, опьяней!
Беги!.. Увы, у ног недружество теней

Скользит струящимся подобьем зыбких мумий,
Загримированной бесплотности угрюмой,
Неубивающей касается земли,
Танцует, гибкое, в нетронутой пыли,
Таится между мной и розой огневою
И разрывается, не шелохнув листвою...
О похоронная ладья!...

А я стою,
Живая, и, вручив себя небытию,
Вооружаюсь им и, как гортань сухая,
Хмель померанцевый восторженно вдыхая,
Зениту жертвую пустой, сторонний взгляд.
О неужели свет от сердца отдалят
Растущей полночи пытливые секреты,
И уголок души расширится, согретый
Глубинным знанием, избегнув чистоты!..
В полубеспамятстве стряхнуть не в силах ты
Недвижный обморок дрожащих ароматов,
Нагая статуя, чей мрамор бледно матов
В капризном золоте дурманящих лучей.
Нет, черный мой зрачок, зрачок давно ничей,
Колодцем тартара круглится, обрываясь
В мыслительную тьму, – я ветру открываюсь,
Но душу отстоять у веток не могу:
На золотящемся вселенском берегу
В обличье Пифии стенаю и коснею,
Пьяна пророчеством, что мир погибнет с нею.
Загадки идолов в себе я обновлю.
Задумаюсь, замру и небеса молю,
Прервав мечтания, бегущие зеркальным
Крылом по солнечным кругам зодиакальным,
Меняясь сотни раз в игре с небытием,

Пылая в мраморе зияющем моем.
Глазастой пропасти опасная добыча!

Духовным зрением над взморьями владыча,
Я столько видела сменяющихся дней,
Что ведала, какой окажется бледней,
Какой сиянье мне подарит в ровном беге,
Но кроме скуки я не знала привилегий,
Заря шептала мне: враждебность предпочти!
Почти умершая, бессмертная почти,
Я в сновидениях разглядывала тронный
Алмаз, блистающий над будущей короной,
Где леднику невзгод противятся одни
Задумчивого лба бездонные огни.

О Время, догорев в мечтательных глубинах,
Дерзнешь ли в сумерках воскреснуть голубиных,
Где доверительным полотнищем возник
Румянца детского кочующий двойник,
В закатный изумруд стыдливой розой канув.

О жертвенный костер! Как маски истуканов
Воспоминания на золоте зари.
Раздуй парчу небес и оплодотвори
Отказ познать огонь и стать иной, чем прежде,
Придай кровавый блеск бескрасочной надежде,
Обожествляющей святой лазурный свод
И время ирисов у безразличных вод, –
Бесцветный выпей дар, мечтая обновиться:
Мне осторожная чужда отроковица
И соучастница ее – лесная тишь,
К тревожной ясности ты ненависть простишь...
Хочу, чтоб в ледяной напуганной гортани
Забил охрипший ключ любовных бормотаний...

Крылатой лучнице открыт затылок мой.

Как сердцем слабнущим не ослабеть самой?

Я жду, а виноград темниц угрозы множит,
И листьев клейкий бред прилип к щекам, а, может,
Стволы ресничные разнежились вокруг
Вечерней тяжестью переплетенных рук?

ГЛАЗА МОИ, ВО ТЬМУ ВЗДЫМАЙТЕ СВОД СВЯТЫНИ!
ВЕНЧАЙ МЕНЯ, АЛТАРЬ, НЕВИДАННЫЙ ДОНЫНЕ!

Так небо призывал утес телесный мой.
Земля, сверкнувшая стоцветною каймой,
Сползала, вольная с челом расстаться белым.
Вселенная, дрожа на стебле оробелом,
Отказывалась мысль короновать мою, –

Чеканной розою на жизненном краю
Взросла она в борьбе с нездешним произволом.
Пусть в черепе твоем, беспамятном и полом,
Живет мой аромат, о Смерть, вдохни скорей
Приговоренную прислужницу царей,
Зови меня, терзай! Скучна иная участь:
Новорожденный год преодолел тягучесть
Неторопливых вен: весна предвестья шлет,
Неясно бродит кровь, в алмазных искрах лед...
Не устоит зимы сверкающий осколок.
Надзвездной благости вздыхающий астролог,
Разгульный паводок, взломал речной сургуч,
Весны-насилъницы веселый хохот жгуч!
Такой беспутный звон разлит в зенитном зное,
Что нежностью нутро пронизано земное!

Деревья в чешуе раздутой и сырой
Тысячерукою волнуются горой
И в терпком воздухе, как шерстью громовую,
На солнце хлопают крылатую листвою,
Уносятся в простор – и чувства нет новей!
Глухая, имена парящие навей!
Нет, их не слышишь ты в смешенье цепких связей:
Клонясь верхушками раскидистых фантазий,
Гребет к богам, гребет наперекор богам
Единодушный лес, к надлобным берегам
Уносит он, о Смерть, разлуки остров синий
И гонит праведно по мокрой древесине
Сок, под пластом травы таимый до сих пор.

Какая смертная соблазну даст отпор?
Какая не нырнет без долгих размышлений
В такой водоворот?
    Предчувствуют колени,
Как беззаступный страх вползает в детский плач,
И тотчас птичий крик – прельститель и палач! –
Пронзает тень мою! О розы, вздохом жадным
Я возрождаю вас. Увы, рукам нескладным
Корзину не поднять: в сердечной тьме – изъян!
От вида скрученных волос победно пьян
Двуликий день – меня он целовал в затылок!
В гуденье диких пчел как робок он и пылок.
Бери меня, о Смерть, и ты, Заря, бери!
Ах, сердце, ты меня взрываешь изнутри,
Трепещешь, вздутое, как в неводе лиловом,
Такое лютое с плененным рыболовом,
Такое нежное для бесконечных уст!

На жажду слаще я не надевала узд!
Нелицемерные желанья, ваши лица

Светлы... Дозволено плодами округлиться
Любви богов, сосуд влечения оживив:
Лучистые бока и бедренный извив,
И материнское приемлющее лоно –
Во мне алтарь они воздвигли благосклонно:
Там души чуждые перемешать легко,
Покуда семья есть, и кровь, и молоко!
О ненавистная гармония, где каждый
Случайный поцелуй – предвестник плотской жажды!
Смотрю, как явности телесной избежав,
Кочуют жители несбыточных держав.
Нет, собеседники мои и побратимы,
В заманчивую плоть, увы, необратимы
Ни вздохи пылкие, ни взоры, ни мольбы...
Я вас не оживлю, бессильные рабы,
К неосязаемым вернитесь мириадам!
Кто согласует жизнь с безвидным этим адом?
Не для теней огни в груди моей горят,
Не вспыхнуть призракам под грозовой разряд
Речей... Как жалки мы, слепые вихри праха!

Небесную стезю не отыщу от страха!

О вспышке чувственной молю тебя одну,
Наплывшая слеза, о чем еще дерзну
Просить? Ты над щекой ревнующе нависла:
В сплетении путей немало злого смысла!
Земная, помню я, как царственный дедал
Тебя из темноты сердечной созидал
Для возлияния, обещанного соком
Глубин, воскреснувших в заклании высокоом
На жертвеннике тайн и драгоценных снов!
Пробив пещерную кору первооснов,

Полночным ужасом ресницы разжимая,
Из гротов совести сочится соль немая.
Где твой исток, слеза? Какою новизной
Работы внутренней, и грустной, и земной
Свою упрямую ты возлагаешь ношу
На материнские ступени? Что я брошу
В пугающий провал ночных твоих борозд?
Отсрочкой душишь ты, твой зримый путь не прост, –
Кто призывал тебя на помощь свежей ране?..

Зачем вы метите, рубцы, алмазы, грани,
Слепую эту плоть? Куда идет она,
Незнаньем собственным и верой смущена?
Надежду не прогнать бессильем пальцев робких.
О почва, вязкая от водорослей топких,
Подруга нежная, неси меня вперед!
Покорность снежная ужели не замрет
У самой западни? Что ищет лебединый
Бесправный мой порыв? О радость стать единой
С земною прочностью! Мой шаг упрямо тверд,
Но ужас на тропе непознанной простерт!
Еще один подъем подошвами ощупав,
Верну природную уступчивость уступов, –
Над сомкнутой землей воздвигся пьедестал:
Там бездна пенится, там ветер исхлестал
Утесы, скользкие от ламинарий бурых, –
Как здесь мечтать легко о растворенье в хмурых
Непойманных волнах! Однообразный гул
Подобье савана над морем натянул,
Соткав его из брызг и расщепленных весел.
В стенающую ширь он жребии отбросил
Наперекор мольбам береговых камней.

Нашедшего следы босых моих ступней

Удастся ли отвлечь от созерцаний важных?

Неси меня, земля, по грудам стеблей влажных!

Таинственное Я души еще живой!
Как тяжело на заре увидеть облик свой
Неизменившимся...

Зеркальной выгнут чашей
Светлеющий залив, пока улыбкой вашей,
О исчервленные, вчерашние уста,
Наводятся на мир холодные цвета,
И камни зыблются, как в толще водоема,
В тюремно-замкнутом браслете окоема.
Рука обнажена над зеленью зыбей.
Рука несет рассвет!

Проступка нет грубей,
Чем жертву разбудить непринятую!

Гладок
Отполированный, почти лишенный складок
Порог – отспоренный и выровненный риф! –
К неумиранию меня приговорив,
Уходит темнота, и обнажен желанью
Алтарь, где памяти я предана закланью.

Там пена силится упрочить зримый вид,
Там вечность на плече волны отождествит
Себя с качанием рыбацкого баркаса.
Природа точно ждет властительного гласа,
Дабы к предбудущим рожденьям сделать шаг
И целомудренный веселый саркофаг
Восстановить, гордясь своей вселенской ролью.

Обожествленные порозовевшей солью,

Привет вам, острова, потешники лучей
И солнца плавкого! Предвижу, горячей
К полудню загудит деревьев рой пчелиный,
И каменистые почуют исполины,
Как близок огненный элизиум! Леса,
Где мыслью зверние блуждают голоса,
Холмы, где славят мир напевы козопасов, –
Привет вам, острова! Морями опоясав,
Свой материнский стан, колени преклоня,
Вы облик девственный храните для меня!
Но как над головой цветы у вас ни яркие,
Ступни в морскую стынь вы погрузили, Парки!

Приготовления души, покой висков
И смерть, совсем как дочь таимая, – таков
Исход, означенный предвзятостью верховной:
От блесков роковых уходит безгреховный
Полет, но разве он не временный разрыв?
Я первая к богам приблизилась, открыв
Лицо тиранскому дыханью ночи вечной:
Об изречении тоски бесчеловечной
Сквозь гущу темноты я вопрошала твердь...

В слепящей чистоте я выдержала смерть,
Таким же некогда я выдержала солнце,
Но в изваянии моем, огнепоклонце,
Под обнаженною, натянутой спиной
Душа от прошлого спасалась тишиной,
С надеждой слушая колючие оттенки
Толчков, изношенных о набожные стенки,
Потворства давнего предчувствуя итог –
Существования трепещущий листок...

Ты не умрешь, не жди... Насмешлива удача

К той, что в зеркальности себя жалеет, плача.

Но разве не была волшебной цель моя,
Когда палачеству определила я
Презренье светлое к многообразию рока?
Погибельный алмаз без пятен, без порока!
И разве склоны есть прозрачнее, чем те,
Где я карабкаюсь к затерянной черте
По взору долготу закланницы отверстой?
Какую тайну ей хранить, кровавоперстой?
На грани бытия, в безбурной белизне
Она от слабости прекраснее вдвойне,
Смирная серп времен, над плахою нависший,
Предсмертной бледностью бледна, последней, высшей.
Так с плотью полою целуется волна,
Так в одиночестве себя бежит она...
Душою я давно плыву к надзвездной выси
В мечтах о траурно шумящем кипарисе.
Я жертвой чувствую себя у алтаря
Дурманов завтрашних, бестрепетно паря
И тая в облачном, неосторожном дыме,
Я стала деревом с волокнами седыми,
Величье растворя в пространстве роковом.
Я завоевана гигантским существом,
Любовью жданного куста-единоверца:
Толпу лучистых тел из фимиама сердца
Рождает трепетно туманный мой состав.

О нет! от высоты двусмысленной устав,
Я больше не ищущу у лилии печальной
Возврата к прошлому – сосуд первоначальный
Мы силой жизненной не сбросим, не затмим.
Кто ратоборствует с могуществом самим,

Когда твое чело – маяк в пустыне ночи,
А зрение твое его дневные очи?

Задумайся, какой безгласный произвол
К воскреснувшему дню из тьмы тебя привел?
Из тьмы, мертвецкою тоской отягощенной!
У безотчетного шепотью позлащенной
Добудь рассветами отспоренную нить:
Твой путь слепой она сумела отклонить
До этих берегов... Жестокой будь и лживой,
И тонкой! Распознай, как стала ты поживой
Ползучей трусости и вздохов-беглецов,
И пряных, как земля, заботливых сосцов?
Какая затхлость недр, какие сны рептилий
Тебе пещерную бескостность возвратили?

Вчера, царица-плоть, ты предала меня,
Ни ласкою, ни сном не возвестив огня...
Чаруясь демонской благоуханной властью,
Мужскую шею я не обвивала страстью
Воображаемых, полуумерших рук,
И лебедь вспененный, божественный супруг! –
Не потревожил мысль пожаром перьев снежных.

Не ведать гнезд ему столь трепетных и нежных!
Я телом сомкнутым и девственным была
Доступна каждому: расслаблена, бела, –
Во впадине волос, в пещере златоржавой
Господство растеряв над чувственной державой.
В объятьях собственных я сделалась другой
Кто от себя бежит? Кто с болью дорогой
Прощается? В какой излучке сердце тает?
В какой из раковин бывшее обитает
Отзвучьем имени? Какой коварный шквал

Меня из крайности безвременной призвал
И отнял долгий вздох, и помешал проститься? –
На жертву сон слетел таинственный, как птица.

Казалось, час настал, когда в душе любой
Пророчица уже не может быть собой,
Устав потворствовать строптивому терпенью,
И вяло борется с последнею ступенью.
К покинутым рукам торопятся шаги, –
От коронованных покойниц не беги!
Лицо – такой же вздох.

Склоняюсь запоздало

К согласью нежному: простила, оправдала
Я злую плоть свою – у пепла горький вкус!
Свидетельницам тьмы несущим паденья груз –
В истерзанных руках наперекор мечтаньям
Разъята надвое безвольным бормотаньем...
Спи, мудрость, возведи алтарь небытию,
Верни к зародышу бессветную змею,
Отдайся сумраку несобранных сокровищ...
Усни, сойди живой в безгрешный сон чудовищ!

*(За дверью... сводчатой, как перстень... вьется газ...
В журчанье горловом... предсмертный смех угас...
Из бледных губ твоих пьет коршун в сонной нише...
И тьма не так темна... Спускайся... Тише ...тише...)*

Мой беспорядочный, мой неостывший склеп,
Здесь ум разбросанный, всезрящий ум ослеп,
И, уступив себе, я в саван обернула
Сердечный стук – в живом колодце я тонула,
Где дышит вечностью льняная западня,
Заполненная мной, вобравшая меня.

Мой оттиск, полное тепло пустого ложа, –
Своим в конце концов тебя признала кожа.
Мой дух в пучинах грез надменных усыплен
Волнами складчатых ласкающих пелен:
На бледных простынях себя дыханьем выдал
Изобразивший смерть, летящий в бездну идол –
Живая женщина с заплаканным лицом,
Уставшая копить с любовником-скупцом
Восторги тайные, когда в нагой пещере
Порвал он договор на смертные потери.

Непознанный ковчег, всю ночь я, как в бреду,
С неотторжимыми цепями спор веду,
Рыдаю и во тьме качаю безрассудно
Твореньями земли нагруженное судно.
Но что это? Глаза, томясь голубизной,
Взирают холодно на смерть звезды ночной.
Порыва моего взошедшее светило
Прабабки юную тоску раззолотило, –
Так совесть воровским сжигается огнем:
Обожествленная солнцеподобным днем,
Преображается недавняя гробница,
У ног моих вода грозит воспламениться!
Заря приблизилась, и зыблемый покров
К ночным империям уносится, багров...

...Но если я жива, прощанья бесполезны,
Как сны! На берегу необозримой бездны
Стою в исчезнувших одеждах, а в груди
Вздывается прибой – тревоги позади!
Глазами выпью соль, лицо подставлю пене
И злобе ветреной бурунных песнопений!
Ах, если вздуется подводная душа,
И на волну волна обрушится, круша,

Last
update: 2013/08/22 valery:la_jeune_parque http://dubrovkin.imwerden.de/doku.php/valery:la_jeune_parque
15:05

Завоет, загудит, набросится недобро
Белесым чудищем на каменные ребра,
Обдав мой лоб огнем осколков ледяных,
Ах, если острия трезубцев водяных,
Исторгнутые мглой, мою исколют кожу,
Наперекор себе тогда я приумножу,
О солнце, похвалы и сердцу, и твоим
Лучам, дарующим рождение нам двоим, -

Я кровью девственной тянусь к снопам огнистым,
И благодарна грудь под золотым монистом!

From:
<http://dubrovkin.imwerden.de/> - **Персональная страница
Романа Дубровкина**

Permanent link:
http://dubrovkin.imwerden.de/doku.php/valery:la_jeune_parque

Last update: **2013/08/22 15:05**

